

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Франсуаза Саган. Слезинки в красном вине • **Франсуаза Саган.**

Немного солнца в холодной воде • **Франсуаза Саган.**

Шелковые глаза • **Франсуаза Саган.** Любите ли вы Брамса? •

Франсуаза Саган. Смутная улыбка • **Франсуаза Саган.** Сара

Бернар. Несокрушимый смех • **Франсуаза Саган.** В туманном

зеркале • **Франсуаза Саган.** Сиреневое платье Валентины •

Франсуаза Саган. Не отрекаюсь... • **Франсуаза Саган.** Через

месяц, через год • **Антуан де Сент-Экзюпери.** Маленький принц

• **Рэй Брэдбери.** Летнее утро, летняя ночь • **Рэй Брэдбери.**

Лекарство от меланхолии • **Рэй Брэдбери.** Вино из одуванчиков

• **Рэй Брэдбери.** 451° по Фаренгейту • **Рэй Брэдбери.** Кошкина

пижама • **Рэй Брэдбери.** Марсианские хроники • **Рэй Брэдбери.**

У нас всегда будет Париж • **Гастон Леру.** Призрак Оперы • **Агата**

Кристи. Десять негритят • **Агата Кристи.** Убийство в «Восточном

экспрессе» • **Гийом Мюссо.** После... • **Гийом Мюссо.** Ты

будешь там? • **Гийом Мюссо.** Завтра • **Дж. Д. Сэлинджер.** Над

пропастью во ржи • **Дж. Д. Сэлинджер.** Девять рассказов •

Симона де Бовуар. Недоразумение в Москве • **Фрэнсис Скотт**

Фицджеральд. Великий Гэтсби • **Фрэнсис Скотт Фицджеральд.**

По эту сторону рая • **Валери Тонг Куонг.** Провидение •

Джо Дассен. Подарок для Дороти • **Татьяна Булатова, Мария**

Метлицкая, Маша Трауб. Тяжелый путь к сердцу через желудок

• **Мария Метлицкая.** И шарик вернется... • **Эдуард Асадов.**

Стихи о любви • **Маша Трауб.** О чем говорят младенцы •

Дэниел Киз. Цветы для Элджернона • **Марио Пьюзо.** Крестный

отец • **Чарльз Буковски.** О кошках • **Эдгар Аллан По.** Убийство

на улице Морг • **Иэн Макьюэн.** Амстердам • **Стефан Цвейг.**

Письмо незнакомки • **Ги де Мопассан.** Милый друг •

Ги де Мопассан. Жизнь • **О. Генри.** Дары волхвов • **Эмиль Золя.**

Дамское счастье

ГИ ДЕ МОПАССАН

Лунный свет

Москва
2018

УДК 821.133.1-32
ББК 84(4Фра)-44
М78

Guy de Maupassant

CLAIR DE LUNE

Перевод с французского

Евгения Гунста, Нины Дарузес, Натальи Немчиновой

Оформление серии *Елены Анисиной*

Мопассан, Ги де.

М78 Лунный свет : сборник : [перевод с французского] / Ги де Мопассан. — Москва : Эксмо, 2018. — 192 с. — (Книга в сумочку).

ISBN 978-5-04-091915-4

Мопассан — знаток человеческой души. Он, как никто, умел безошибочно найти лучшее и худшее в каждом герое и показать это ярко и талантливо. «Лунный свет» — сборник новелл о любви, где каждая история — гимн чистоте и искренности. Красота природы накладывается на красоту души, и этот союз рождает идеальное блаженство.

УДК 821.133.1-32
ББК 84(4Фра)-44

© Гунст Е., перевод на русский язык, 2018
© Дарузес Н., перевод на русский язык, 2018
© Немчинова Н., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-091915-4

ЛУННЫЙ СВЕТ

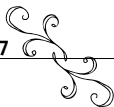
Аббату Мариньяну очень подходила его воинственная фамилия — у этого высокого худого священника была душа фанатика, страстная, но суровая. Все его верования отличались строгой определенностью и чужды были колебаний. Он искренне полагал, что постиг Господа Бога, проник в его промысел, намерения и предначертания.

Расхаживая широкими шагами по саду деревенского церковного домика, он иногда задавал себе вопрос: «Зачем Бог сотворил то или это?» Мысленно становясь на место Бога, он упорно допытывался ответа и почти всегда находил его. Да, он был не из тех, кто шепчет в порыве благочестивого смирения: «Неисповедимы пути твои, Господи». Он рассуждал просто: «Я служитель божий и должен знать или по крайней мере угадывать его волю».

Все в природе казалось ему созданным с чудесной, непреложной мудростью. «Почему» и «потому» всегда были в непоколебимом равновесии. Утренние зори созданы для того, чтобы радостно было пробуждаться, летние дни — чтобы созревали нивы, дожди — чтобы орошать поля, вечера — для того, чтобы подготавливать ко сну, а темные ночи — для мирного сна.

Четыре времени года превосходно соответствовали всем нуждам земледелия, и никогда у этого священника даже и мысли не возникало, что в природе нет сознательных целей, что, напротив, все живое подчинено суровой необходимости, в зависимости от эпохи, климата и материи.

Но он ненавидел женщину, бессознательно ненавидел, инстинктивно презирал. Часто повторял он слова Христа: «Жена, что общего между тобой и мною?» Право, сам Создатель был как будто недоволен этим своим творением. Для аббата Мариньяна женщина поистине была «двенадцать раз нечистое дитя», о котором говорит поэт.

Она была искусительницей, соблазнившей первого человека, и по-прежнему вершила свое черное дело, оставаясь все тем же слабым и таинственно волнующим существом. Но еще больше, чем ее губительное тело, он ненавидел ее любящую душу.

Нередко он чувствовал, как устремляется к нему женская нежность, и, хотя он твердо был уверен в своей неуязвимости, его приводила в негодование эта потребность в любви, вечно томящая душу женщины.

Он был убежден, что Бог создал женщину лишь для искушения, для испытания мужчины. Приближаться к ней следовало осторожно и опасливо, точно к западне. Да и в самом деле, она подобна западне, ибо руки ее простерты для объятия, а губы отверсты для поцелуя.

Снисходительно он относился только к монахиням, так как обет целомудрия обезоружил их, но и с ними он обращался сурово: он угадывал, что в глубине заключенного в оковы, усмиренного сердца монахинь живет извечная нежность и все еще изливается даже на него — на их пастыря.

Он чувствовал эту нежность в их благоговейном, влажном взгляде, не похожем на взгляд набожных монахов, в молитвенном экстазе, к которому примешивалось нечто от их пола, в порывах любви ко Христу, которые возмущали его, ибо это была любовь женская, любовь плотская; он чувствовал эту окающую нежность даже в их покорности, в кротком голосе, в потупленном взоре, в смиренных слезах, которые они проливали в ответ на его гневные наставления. И, выйдя из монастырских ворот, он отряхивал сутану и шел быстрым шагом, словно убегал от опасности.

У него была племянница, которая жила с матерью в соседнем домике. Он все уговаривал ее пойти в сестры милосердия.

Она была хорошенькая и ветреная насмешница. Когда аббат читал ей нравоучения, она смеялась; когда он сердился, она горячо целовала его, прижимала к сердцу, а он бессознательно старался высвободиться из ее объятий, но все же испытывал сладостную отраду оттого, что в нем пробуждалось тогда

смутное чувство отцовства, дремлющее в душе у каждого мужчины.

Прогуливаясь с нею по дорогам, среди полей, он часто говорил ей о Боге, о своем Боге. Она совсем его не слушала, глядела на небо, на траву, на цветы, и в глазах ее светилась радость жизни. Иногда она убегала вдогонку за пролетающей бабочкой и, поймав ее, говорила:

— Посмотрите, дядечка, до чего хорошенькая! Просто хочется поцеловать ее.

И эта потребность поцеловать какую-нибудь букашку или звездочку сирени тревожила, раздражала, возмущала аббата, — он вновь видел в этом неистребимую нежность, заложенную в женском сердце.

И вот однажды утром жена пономаря — домоправительница аббата Мариньяна — осторожно сообщила ему, что у его племянницы появился воздыхатель.

У аббата горло перехватило от волнения, он так и застыл на месте, позабыв, что у него все лицо в мыльной пене — он как раз брился в это время.

Когда к нему вернулся дар речи, он крикнул:

— Быть не может! Вы лжете, Мелани!

Но крестьянка прижала руку к сердцу:

— Истинная правда, убей меня Бог, господин кюре. Каждый вечер, как только ваша сестрица лягут в постель, она убегает из дому. А уж он ее ждет у речки, на берегу. Да вы сходите как-нибудь туда между десятью и двенадцатью. Сами увидите.

Он перестал скоблить подбородок и стремительно зашагал по комнате, как обычно в часы глубокого раздумья. Затем опять принялся бриться и три раза порезался — от носа до самого уха.

Весь день он молчал, кипел возмущением и гневом. К яростному негодованию священника против непобедимой силы любви примешивалось оскорбленное чувство духовного отца, опекуна, блюстителя души, которого обманула, надула, провела хитрая девчонка; в нем вспыхнула горькая обида, которая терзает родителей, когда дочь объявляет им, что она без их ведома и согласия выбрала себе супруга.

После обеда он пытался отвлечься от своих мыслей чтением, но безуспешно, и раздражение его все возрастало. Лишь только пробило десять, он взял свою палку, увесистую дубинку, которую всегда брал в дорогу, когда шел ночью навестить больного. С улыбкой поглядев на эту тяжелую палицу, он угрожающе покрутил ее своей крепкой крестьянской рукой. Затем скрипнул зубами и вдруг со всего размаху так хватил по стулу, что спинка раскололась и рухнула на пол.

Он отворил дверь, но замер на пороге, пораженный сказочным, невиданно ярким лунным светом.

И так как аббат Мариньян наделен был восторженной душой, такой же, наверно, как у отцов церкви, этих поэтов-мечтателей, он вдруг позабыл обо всем, взволнованный величавой красотой тихой и светлой ночи.

В его садике, залитом кротким сиянием, шпалеры плодовых деревьев отбрасывали на дорожку тонкие узорчатые тени своих ветвей, едва опушенных листвой; огромный куст жимолости, обвивавшей стену дома, струил такой

нежный, сладкий аромат, что казалось, в прозрачном теплом сумраке реяла чья-то благоуханная душа.

Аббат долгими жадными глотками впивал воздух, наслаждаясь им, как пьяницы наслаждаются вином, и медленно шел вперед, восхищенный, умиленный, почти позабыв о племяннице.

Выйдя за ограду, он остановился и окинул взглядом всю равнину, озаренную ласковым, мягким светом, тонувшую в серебряной мгле безмятежной ночи. Поминутно лягушки бросали в пространство короткие металлические звуки, а поодаль заливались соловьи, рассыпая мелодичные трели своей песни, той песни, что гонит раздумье, пробуждает мечтания и как будто создана для поцелуев, для всех соблазнов лунного света.

Аббат снова двинулся в путь, и почему-то сердце у него смягчилось. Он чувствовал какую-то слабость, внезапное утомление, ему хотелось присесть и долго-долго любоваться лунным светом, молча поклоняясь Богу в его творениях.

Вдалеке, по берегу речки, тянулась извилистая линия тополей. Легкая дымка, пронизанная лучами луны, словно серебристый белый пар, клубилась над водой и окутывала все излучины русла воздушной пеленой из прозрачных хлопьев.

Аббат еще раз остановился; его душу переполняло неодолимое, все возраставшее умиление.

И смутная тревога, сомнение охватили его, он чувствовал, что у него вновь возникает один из тех вопросов, какие он подчас задавал себе.

Зачем Бог создал все это? Если ночь предназначена для сна, для безмятежного покоя, отдыха и забвения, зачем же она прекраснее дня, нежнее утренних зорь и вечерних сумерек? И зачем сияет в неторопливом своем шествии это пленительное светило, более поэтичное, чем солнце, такое тихое, таинственное, словно ему указано озарять то, что слишком сокровенно и тонко для резкого дневного света; зачем оно делает прозрачным ночной мрак?

Зачем самая искусная из певчих птиц не отдыхает ночью, как другие, а поет в трепетной мгле?

Зачем заброшен на мир этот лучистый покров? Зачем эта тревога в сердце, это волнение в душе, эта томная нега в теле?

Зачем раскинуто вокруг столько волшебной красоты, которую люди не видят, потому что они спят в постелях? Для кого же сотворено это величественное зрелище, эта поэзия, в таком изобилии нисходящая с небес на землю?

И аббат не находил ответа.

Но вот на дальнем краю луга, под сводами деревьев, увлажненных радужным туманом, появились рядом две человеческие тени.

Мужчина был выше ростом, он шел, обнимая свою подругу за плечи, и, время от времени склоняясь к ней, целовал ее в лоб. Они вдруг оживили неподвижный пейзаж, обрамлявший их, словно созданный для них фон. Они казались единым существом, тем существом, для которого предназначена была эта ясная и безмолвная ночь, и они шли навстре-

чу священнику, словно живой ответ, ответ, посланный Господом на его вопрос.

Аббат едва стоял на ногах — так он был потрясен, так билось у него сердце; ему казалось, что перед ним библейское видение, нечто подобное любви Руфи и Вооза, воплощение воли Господней на лоне прекрасной природы, о которой говорят священные книги. И в голове у него зазвенели стихи из Песни Песней, крик страсти, призывы тела, вся огненная поэзия этой поэмы, пылающей любовью.

И аббат подумал: «Быть может, Бог создал такие ночи, чтобы покровом неземной чистоты облечь любовь человеческую».

И он отступил перед этой обнявшейся четой. А ведь он узнал свою племянницу, но теперь спрашивал себя, не дерзнул ли он воспротивиться воле Божьей. Значит, Господь дозволил людям любить друг друга, если он окружает их любовь таким великолепием.

И он бросился прочь, смущенный, почти пристыженный, словно украдкой проникнул в храм, куда ему запрещено было вступать.